

мчались на кладбище изучать могилы; но я всегда отказываю себе в этом развлечении. Мне не интересно плестись в темных и холодных церквях по пятам запыленных стариков и прочитывать эпитафии. Даже вид кусочка потрескавшейся меди, вправленного в камень, и тот не дает мне того, что я называю истинным счастьем. Я возмущаю почтенных старых пономарей невозмутимостью, которою умею облечься перед самыми душераздирающими надписями, и недостатком интереса к истории местного помещичьего рода, тогда как мое нетерпение выбраться вон оскорбляет их лучшие чувства.

В одно золотое утро солнечного дня я стоял, прислонившись к низкой каменной ограде деревенской церкви, и курил, и впивал тихую, спокойную радость, разливавшуюся от чарующей, мирной картины: старая серая церковь с ее густым плющом и любопытным портиком резного дерева, белая дорожка, вьющаяся вниз с холма между двух рядов высоких вязов, выглядывающие из-за аккуратных изгородей крытые соломой хижины, серебряная река в ложбине, лесистые холмы вдали...

Очаровательный был вид! Нечто идиллическое, поэтичное — он вдохновлял меня. Я почувствовал себя великодушным и добрым. Мне захотелось никогда больше не быть злым и